

In Memoriam

Шамшад Абдуллаев

(01.11.1957, ФЕРГАНА — 23.10.2024, АЛМАТЫ)

Фото Лисы Дабижи

Александр Уланов

Крепкая глина

Все, кто встречался с Шамшадом Абдуллаевым в реальности, отмечают его крайнюю деликатность, обходительность. Но эти мягкие шаги — по спекшейся бесплодной земле.

Мало авторов, настолько связанных с местом. Абдуллаев — это Фергана. Пыльные раскаленные площади, заборы, голые холмы окрестностей. Древняя земля между Востоком и Западом, где происходили совершенно необычные соприкосновения, вроде основанного полководцами Александра Македонского греко-бактрийского царства, где греческий философ мог разговаривать с индийским мудрецом. И одновременно сам город Фергана — не что-то доисторическое, он основан меньше 150 лет назад, в 1876 году, как Новый Маргелан, военный форпост Российской империи для контроля над Ферганской долиной. Одними из первых построек были штаб войск и полицейское управление. Судьба любой империи — превращение в неподвижную развалину, Российской хватило ненадолго. Впрочем, империи порой тоже способствуют встряске и встрече культур — хотя и дорогой ценой. Но основа этих встреч — всегда личность. Как бы империя ни старалась показать, что способствует культуре, она способствует только пропаганде, а Овидий будет сослан. И встречи — дело человека в его бесприютности. У Абдуллаева вместе рок-музыка и терминология японской средневековой культуры, фильмы итальянского неореализма и странствующий дервиш. Они в постоянном взаимопроникновении, ощутимы в любых бытовых реалиях, даже «натруженный транспорт о четырех колесах в глифовых шинах взбирается на щебнистый холм, развеивая окрест урчащий укор фривольным плодоношениям, — поэму “А” Луиса Зукофски»¹. Мало авторов, настолько свободных от места.

Одна из основ этой свободы — внимательность. Она требует замедления. Почувствовать покой как до предела сжатую пружину. Обострить восприятие каждого объекта, каждого движения. «Напряжение и глубь достигаются небрежной замедленностью, задержкой на побочной детали»². Любое место, если в него вглядываться, становится ключом, путем ко всему остальному. Внимательность парадоксальным образом ведет к неясности. При все более пристальном взгляде предмет начинает терять очертания, дробиться, мерцать. Абдуллаев — антикартезианец. Медленное движение стиля вклинивается в неподвижность окружающего, делает дробной и подробной его вязкость, разделяет сплавившееся, дает каждому предмету его особую жизнь. Но замедленность — также и способ спрятать движение в ситуации, где всякое движение под угрозой прерывания, запрета. Где времени не хватает не на что-то или из-за чего-то — а потому, что времени нет, оно отнято, его постарались остановить. Неподвижность — укрытие, так замирают около хищника. Есть и другой способ — мгновенность. «Ты взял ломоть лепёшки / так быстро, что никто не

1 *Абдуллаев Ш.* Припоминающееся место: Проза. М.: Книжное обозрение; АРГО-РИСК, 2012. С. 100—101.

2 *Абдуллаев Ш.* Двойной полдень: Рассказы, эссе. СПб.: Борей-Арт, 2000. С. 168.

заметил / руку, стащившую хлеб со стола, / словно этот жест / существовал до того, как ты взял / ломоть лепёшки»³. Медленно смотреть, но порой быстро делать, переходя от одного состояния к другому. И рост тоже кажется неподвижностью, но ей не является.

Другая важная основа — отказ. От сосредоточенности на себе (иначе ничего вовсе не увидеть, персональность проявляется в способе смотреть, а не в личной эмоции). От стандартной жизни, от стандарта удачи: герой Абдуллаева «понял, что больше не польстится на этот паноптикум расчетливых поступков и скуки»⁴. Нужно иметь «наглость быть собой»⁵. Быть чужим, и чуждость при этом — предмет радости. «Мы, слава богу, / изгнаны из города»⁶. У Абдуллаева иной тип владения, чем у тех, кто считает себя хозяевами мира. «Чем я владею, сказал он, два или три пейзажа, увиденных в упор»⁷. Отстраненность от себя, свобода от тревоги за себя — без которой в несвободе невозможно существовать. «Последняя прямота», о которой говорил Манделштам. Безразличие освобождает «от поступков для виду, от послушания и страха. <...> Остается благодарить воздух за ниспосланные нам скуку и столбняк, умеющие личные претензии и причуды»⁸.

Но так и режиссер отстранен мыслями о фильме, фотограф — объективом камеры. Постоянное наложение разных планов — ближайшего пространства стола, далеких гор. Различных и во времени (телесно ощутимом у Абдуллаева) — на почту наслаивается кафе у моря. Сохраняет ли все Бог, неизвестно, но хранит Абдуллаев. Против того, что стремится навязать свое восприятие, пусть для этого придется уничтожить все остальное. С другой стороны, кино — всегда лишь возможное, то, что могло быть, если была бы возможна одновременность крупных планов всех деталей, попавших в кадр.

Освоение положения на границе. Оно — и тема текста, и условие его появления. «В промежуточной обстановке предмет и персонаж балансируют в становлении, в отсрочке, в гибкой незрелости»⁹. Граница неподвижности и перемены, чуждости и соприкосновения. Граница как место встречи. Место неопределенности. И одновременно различения, рефлексии: «одно и то же, // но всегда разное одно и то же»¹⁰. Между культурой и варварством границы нет, варварство никаких границ не признает и стремится все забрать себе. Оно просто дыра в мире.

Также и поэтому — человек на границе жизни и смерти. Смерть обыденна, всегда здесь. «Мой саван, сказал он, уже меня ждёт / под землёй»¹¹. Неподвижность — также и готовность к неподвижности смерти. Но есть два варианта смерти — поглощенность огнем и поглощенность пылью. Дым не крошится. Готовность к смерти помогает достойно жить и действовать в ситуации, где ничего сделать нельзя, в ситуации невозможности изменить ситуацию.

3 *Абдуллаев Ш.* Перед местностью: Стихи. М.: Книжное обозрение; АРГО-РИСК, 2017. С. 71.

4 *Абдуллаев Ш.* Припоминающееся место. С. 23.

5 Там же. С. 37.

6 *Абдуллаев Ш.* Медленное лето: Стихи, эссе. СПб.: Митин журнал; Ривьера, 1997. С. 31.

7 *Абдуллаев Ш.* Двойной полдень. С. 110.

8 Там же. С. 96—97.

9 Там же. С. 165.

10 *Абдуллаев Ш.* Монотонность предместья: Стихи. М.: ОГИ, 2023. С. 39.

11 *Абдуллаев Ш.* Перед местностью. С. 12.

Абдуллаев именно жил на границе, переступание ее мало что меняет, важнее движение вглубь: «Даже / речь — это не выход. Скорее вглубь / вязкой бесцельности, где чувство тупое узрит: / молнию, зазор, ничто»¹². Причем такое движение может произойти даже внутри слова в момент его произнесения: «Впрочем, неиз, я встал, поправил монголоидную фарфоровую фигурку на черной крышке черного пианино, повернул ее лицом к стене, бежность...»¹³

Важны люди и предметы, как они есть здесь и сейчас, а не тем, что за ними. То, в чем человек живет, то есть умирает каждый день. Фильм или книга у Абдуллаева однопорядковы с предметами окружающего пейзажа. Все встреченное воспринимается как слова, блоки смыслов. Сравнения у Абдуллаева порой невозможны: «как придворный плотник Кокандского ханства, читающий кого-то из “Плеяды”, какую-нибудь высокомерную ламентацию Жоакина Дю Белле»¹⁴, едва ли книга Дю Белле могла попасть в Коканд ханских времен. Это не сравнение, а еще одна встреча, вовлечение в длящийся поток.

Намеренная невзрачность, порой чужеродность рассматриваемого — чтобы не впасть в пафос. Предметы культуры среди этого, они не предмет поклонения, не убежище от низкого мира, а среда обитания. Так достигается и независимость от любой идеологии. Переустройство сознания так, чтобы оно исключило идеологию.

Речь тяжела, потому что человек и предмет наполнены тяжестью других, с которыми связаны. Потому что любые слова недостаточны. Но речь помогает существовать в жаре, от которого плавятся глиняные кувшины. В грусти от того, что безнадежная неизменность охватывает не только внешний мир, но и близкого человека. «Кто расколдует молчанье? / Земля, твои губы, красная птица»¹⁵. Море есть и в Фергане, ископаемое, как память: «холм и пустырь, навлекшие на грудь / морскую горечь»¹⁶. Неподвижность порой ломает сама себя.

Опора человека — «незаинтересованная включенность в мир, когда все дышит волнами ровного счастья»¹⁷. Шамшад Абдуллаев смог прожить интересную жизнь, и никакая сволочь ему помешать в этом не смогла (хотя кровь и попортила). Сейчас, когда неподвижность средневековой Средней Азии хлынула на Европу, особенно нужны содержащиеся в текстах Абдуллаева стойкость, сохранение связи с культурой среди одичания, отсутствие надежд, отсутствие пафоса, настояние на личном, честность с собой. Сохранить русский как язык культуры, а не империи. Не надеясь что-либо закончить. Не собираясь что-либо начать, а уже находя себя в новом. Несмотря ни на что, всегда «начало, длящееся в начале, в середине и в конце с неизгладимой и бессрочной одинаковостью»¹⁸. Глина, прошедшая человека, — крепкая стенка кувшина или табличка с письменами.

12 *Абдуллаев Ш.* Неподвижная поверхность: Стихи / Предисл. А. Скидана. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 53.

13 *Абдуллаев Ш.* Припоминающееся место. С. 138.

14 Там же. С. 21–22.

15 *Абдуллаев Ш.* Медленное лето. С. 29.

16 Там же. С. 12.

17 *Абдуллаев Ш.* Припоминающееся место. С. 41.

18 *Абдуллаев Ш.* Приближение окраин: Стихи, эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 133.